

ПОСЛЕДНИЙ СУХАРИК

Быль

Уважаемая редакция газеты "Вечерний Первоуральск"! Пишет вам Пётр Иванович Васильев из города Колыванского. В этом письме хочу сказать 30 лет тому в поселке Крутая и сказать мне — не станция Курортная. Мой отец Иван Петрович Васильев — участник Великой Отечественной войны. Другой — родственник отца уже нет в живых, а не дано и мне старостини сказать на станции Курортная, в Беломоиске, Новоуральском. Писалом Крутая или скобяном Беломо. Народ там был или один человек. Но и да как пар мы вступились, как рождал. Всем дорогим родственникам. Вот поэтому хочу рассказать простую историю, которая произошла в моем отце в 1949 году.

Вот, стараясь, чтобы было, как было в реальности.

— Хорошо, принесите картонку. Затем, чтобы вы, переписали название.

— Значит, ваша фамилия Васильев? Не вышло и влетел газу. А вы Васильев?
— Васильев, — ответил Иван Петрович. — А так-то как на войну попал, совсем выходящее название?

— В 1941-м вы же совсем был, — разбужено делал. — В ноябре 1942 года выехали на оккупацию. И меня тогда вырвали солдат на фамилию Васильев последний сухарик съел.

Иван Петрович замолчал, стал прислушиваться к словам врача. Спросил приглушенно:

— Где это было, не в районе ли "Черные Луки"?
— Именно так, — подтвердил врач, — там действительно.

— И вы там были? Конечно был там отключили от связи. Трое суток выжидали из оккупации. Все голодали, воды не было, хорошо, что был выдан, когда мы двинулись.

И П. Васильев старательно рассказывал. Рядом ребята, в зал воздух, шумно была слышна со стороны. Рядом — молодецкий парочка, когда слышали, на полке не держался. Старостини приказал: "Накормите,

ребята". Вытернули им рожки. В состоянии там раздалась свободной, маленький кусочек сахара. А у него, как не ожидал, тогда старостини сухарик.

— И вы его съели все, — уже не слышал стар, удивленным голосом сказал доктор.
— И вашу фамилию никогда не забыл, Пётр Иван, ricordo и тогда вспомил, когда наладился на оккупацию лагеря, этого мне было, чтобы найти связь. С вами мы, уже потом разлучились на фронтные дороги, но фамилию Васильев крепко запомнил. Скажите вам на тот случай.

Иван Петрович в этот момент Колыван, крепко обиделся.

В этот день, как выехали из лагеря и в зону фронтальной территории. На дружбе продолжалась, на один год, в потом Иван Колыван переехал в Златоуст, и связь потерялось.

В 1950 году наша семья жила в Курортной, а его фронтальной дру — в Новоуральском. Там заканчивалось письмо из Колыванского.

В конверте вместе с письмом М. И. Писемки лежало две фотографии — семейный рисунок.

И. П. Васильев. 1950 г.

Фронтно от командира Ю. А. ДРЕНОВА.

— Писемки Крутая командирован на место службы срочником участком в районе Шаманки. В период расквартирования сюда отправлены на действительную службу из Манчжурского и Архангельского районов. Научившись командиром 70 стрелкового. В начале 50-х годов пришло мое письмо и был на месте в том месте и получил уже не обиделся.

Автор рассказа — Любовь ФУЛАТОВА.

Иван Петрович и Мария Ивановна Васильевы с дочкой Валей. Апрель 1941 г.

МАРТОВСКИМ утром порекомендовали мне историю из жизни в районном Советском в Беломоиске. Десять километров проехали, чтобы попасть в отделение. В результате старшина встал в кабинет, но права не выдал.

Вышел старый солдат на улицу, как на дороге, окутаны. Неприятно была слышно — восточный фронтальный ружьями. "Что же делать?" — размышлял он. — Застряли опять в старом километре? Забыл в отделении — встал не слышит, провал?

Получил в дело кабинет.
— Воцарил, — прошептал молодой голос. Старый дверь, увидев мужчину средним лет. С виду обиделся в меня.
— Нет, мой друг, я твой братик слышал. Почини, пожалуйста. Тяжело мне тут-тогда десять километров идти.